

CENTRAL ASIAN JOURNAL OF LITERATURE, PHILOSOPHY AND CULTURE

eISSN: 2660-6828 | Volume: 04 Issue: 04 Apr 2023
<https://cajlpcentralasianstudies.org>

Поиск Идентичности В Романе Патрика Модиано «Дора Брудер»

Халиллаева Наргиза

Студентка 2 курса Узбекского государственного университета мировых языков

Зульфия Давронова

Старший преподаватель Узбекского государственного университета

Received 4th Feb 2023, Accepted 5th Mar 2023, Online 24th Apr 2023

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается исследование явлений текущего литературного процесса в его незавершенности, в частности, к многоаспектному изучению творчества Патрика Модиано как феномена литературы конца XX века; актуальность работы связана также с недостаточной разработанностью проблемы романного жанра во французской литературе конца века.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: роман, повествование, источник, феномен, литературный процесс, биография, родословная.

Почти все произведения современного французского писателя Патрика Модиано, начиная с его первого романа «Площадь звезды» строятся вокруг двух основных тем: поиска идентичности и периода немецкой оккупации Франции. С ними тесно связаны две проблемы, а именно: памяти, как синонима прошлого и отречения от забвения.

Читая Модиано, думаешь прежде всего о Второй мировой войне в несвойственном истории сослагательном наклонении. Что было бы, если бы Париж не был сдан в сороковом и французы, неся страшные потери, отступали бы до Пиренеев?

Модиано родился в 1945 году, когда война уже закончилась, тем не менее, почти все его произведения пронизаны темой войны, точнее периодом немецкой оккупации. Именно она определила весь строй его мыслей и позволила создать художественную концепцию периода немецкой оккупации, более всего занимающего автора.

Писателю интересует только то, что предшествовало его рождению, себя он называет «пленником времени, предшествующего его рождению».

Неустойчивость общества после войны породила ощущение зыбкости, расплывчатости бытия, в котором не за что было зацепиться. Явилось ли поражение Франции в войне причиной этого явления, привело ли это к известному кризису идентичности, «болезни века», выраженной, по словам французских постмодернистов, «...разорванном, ... лишённом целостности человеке».

Каждый роман Модиано неизбежно воспринимается в контексте предыдущих. Иногда писателя называют даже автором одной книги, он совершенно сознательно углубляет одни и те же свои мысли. Эта тематическая тавтологичность один из его художественных приёмов. Во всех его произведениях неизменно присутствуют как мотивы памяти, так и её утраты; память реальный участник событий, имеющий воздействие на героев и определяющий их прошлую и настоящую жизнь.

В своих первых романах «Площадь Звезды» (1968), «Ночной дозор» (1969), «Бульварное кольцо» (1972) и «Улица тёмных лавок» (1978) автор настойчиво обращается к периоду оккупации Парижа. В романе «Дора Брудер» он отмечает, что в первом романе «Площадь Звезды» принял на себя всю боль, испытанную его отцом при оккупации. Это время преследует его и заставляет возвращаться в прошлое.

Роман «Дора Брудер», написанный в 1997 году, - документальный и в то же время исповедальный, глубоко личный. Впервые книга названа именем героини.

Можно согласиться с Умберто Эко, что «без биографии автора нельзя понять произведения». Роман «Дора Брудер» следует подвергать анализу в биографическом контексте.

Уже в названии романа есть намёк на трагедию автора - безвременную смерть брата, так как фамилия героини Брудер в переводе с немецкого языка - брат. Таким образом, можно предположить, что автор видит себя старшим братом Доры Брудер.

Автобиографическое начало возникает с появлением отца на страницах романа, Модиано вводит в книгу несколько автобиографических фактов из жизни отца:

«Pour mon père qui avait quatorze ans de plus que Dora Bruder, la voie était toute tracée: puisqu'on avait fait de lui un hors-la-loi, il allait suivre cette pente-la par la force des choses, vivre d'expédients à Paris, et se perdre dans les marécages du marché noir».

Завязкой сюжета становятся строки из газеты 1941 года:

«Il y a huit ans, dans un vieux journal, Paris Soir, qui datait du 31 décembre 1941, je suis tombé à la page 3 sur une rubrique : «D' hier à aujourd' hui». A la fin de la page j'ai lu : «Paris. On recherche une jeune fille, Dora Bruder, 15 ans, 1,55 m, visage ovale, yeux gris-marron, manteau sport gris, ... Adresser toutes indications à M. et Mme Bruder, 41 boulevard Ornano, Paris.».

Эти несколько строчек преследуют рассказчика. Ещё почти ничего не зная о Доре, но, сохранив её в своей памяти, автор в романе «Свадебное путешествие» в 1990 году пишет о девушке, ровеснице Доры, по имени Ингрид, которая бежит со своим другом в свободную зону. Модиано пишет ещё шесть книг и только спустя восемь лет появляется роман «Дора Брудер».

Дора Брудер - реальное лицо, найденное в списках депортированных евреев во время войны, но, возможно, под другой фамилией. Об этом свидетельствует автор: «Когда я писал книгу «Дора Брудер» я основывался на факте, действительно существовавшем». Поиск следов этой семьи, продолжается и после написания «Свадебного путешествия». Терпеливо и кропотливо разыскивает повествователь в архивах свидетельства жизни семьи бывшей девочки до войны и во время войны и её родителей и предпринимает попытки забрать их хранителей архивов у «часовых забвения», как он их называет. Рассказчику потребовалось 4 года, чтобы найти дату её рождения и ещё два года, чтобы узнать место

её рождения: «Много времени нужно, чтобы восстановить и увидеть то, что когда-то было тщательно стёрто».

Повествователь пытается «нащупать ниточки» в отдалённом прошлом. Он не ограничивается поисками в архивах, а также собирает воспоминания многих очевидцев того времени. Таким образом, рассказчик воссоздаёт жизнь и судьбу никому не ведомой европейской девочки-подростка и её семьи. Из маленького сообщения, найденного автором, вырастает история безвестной жизни и забвения. Оказалось, что можно найти и одну каплю, растворенную в море горя.

Модиано реконструирует жизнь Доры через призму времени и пространства: время - оккупация, пространство книги – Париж. Автор сделал Париж действующим лицом военного времени. Читая книгу, испытываешь странное ощущение, будто оказался внутри старой фотографии; впечатление, что медленно рассматриваешь альбом фотографий Парижа, сделанных талантливым художником.

Атмосфера и «чёрное и душное» время оккупации передаются через топонимику XVIII округа Парижа. Перед читателем проходит подробное описание севера столицы: бульваров Барбэ, Орнано, Ней со стороны станций метро «Симплон» и «Шато-Руж», улиц Клиньянкур, Симплон, Эрмель. Воссоздаются названия гостиниц и кинотеатров, подлинные номера телефонов того города, которого больше нет. Улицы изменились, следов прошлого нет, остались только подлинные названия, и уже невозможно прояснить тайну. Такое описание Парижа убеждает в достоверности происшедших событий.

Время оккупации Модиано восстановил буквально по дням событий, которые разворачивались в Париже 1940-1942 годов. Погрузившись в архивы, разыскав свидетелей, автор восстановил время комендантского часа, немецких облав и расстрелов в Париже.

Его герой проходит по местам, связанным с судьбой Доры Брудер, её родителей и своего отца в годы юности. Он проходит по бульвару Орнано, где жили родители Доры, еврейские беженцы из Восточной Европы. «Огни, суета – и мне не верится, что я в том же самом городе, где жили Дора Брудер и её родители, да и мой отец, когда он был на двадцать лет моложе, чем я сейчас. Я чувствую себя единственной ниточкой, связывающей Париж той поры с нынешним, будто я один помню всё это в подробностях. Иногда ниточка становится совсем тоненькой, вот-вот оборвётся, но бывают вечера, когда сквозь сегодняшний город проплывают черты вчерашнего, видимые только мне».

Рассказчик насиляет Париж призраками из того времени, сам он так погружается в этот мир, что контакт с ушедшими сильнее, чем с живыми. Себя он видит фантомом среди этих людей. «Январь 1965 года... Я был никем, я растворялся в этих сумерках, в этих улочках».

Повествователь живёт «в мире, опрокинутом в прошлое», пытаясь извлечь его тайны «из глубины забвения» (так называется один из его последних романов). Эпохи наслаждаются в его сознании одна на другую. Реальность смешивается с вымыслом «Вчера и сегодня. Я оглядываюсь на прошедшие годы, но они смешиваются в моём сознании, и одна зима накладывается на другую. Зима 1965 и зима 1942-го».

Автор уделяет значительное место в романе пансиону «Святое сердце Марии» на улице Пикпюс, откуда самовольно ушла Дора 14 декабря 1941. Это переплетается с фактом биографии автора, его пребыванием в пансионе в возрасте героини.

Вероятно, родители Доры пытались спасти её от немецкой угрозы, поместив девочку в пансион «Святое сердце Марии». Повествователь узнаёт от одной из немногих оставшихся в живых ровесниц Доры об обстановке пансиона: «Похоже было скорее на сиротский приют. Дисциплина железная. Отопления никакого. Кормили одной брюквой. Ученицам полагалось молиться в шесть часов».

Становится понятным, почему независимая и строптивая по характеру Дора совершила побег, и что вернуться в пансион, по мнению рассказчика «было всё равно, что возвращаться в тюрьму». Дора, по своему мироощущению маргинальна, не принимает условий жизни приюта и нравственно протестует, как и автор во времена своего отрочества: Он и героиня ищут себя, это поиск заключается в потребности быть независимыми, вырваться из социума, символом которого является для них пансион. Повествователь рассказывает о том, что он пережил в пятнадцатилетнем возрасте через 37 лет после произошедшего.

« *Je me souviens de l'impression forte que j'ai éprouvée lors de ma fugue de janvier 1960 – si forte que je crois en avoir connu rarement de semblables. C'était l'ivresse de trancher, d'un seul coup, tous les liens : rupture brutale et volontaire avec la discipline qu'on vous impose, le pensionnat, vos maîtres, vos camarades de classe. Désormais, vous n'aurez plus rien à faire avec ces gens-là ; rupture avec vos parents qui n'ont pas su vous aimer et dont vous vous dites qu'il n'y a aucun recours à espérer d'eux ; sentiment de révolte et de solitude porté à son incandescence et qui vous coupe le souffle et vous met en état d'apesanteur.* »

Для рассказчика бегство - разрыв с миром и со временем, «est un appel au secours et quelque fois une forme de suicide».

Здесь он совпадает на своём жизненном пути с судьбой Доры Брудер. Обнаруживается сходство судеб автора и героини. Происходит общение повествователя с девочкой, их точки соприкосновения эмоционально близки друг другу: «Только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается «человек в человеке, как для других, так и для самого себя». Мысли о героине порождают внутренний диалог автора с самим собой, благодаря этому он вновь воссоздаёт и переживает свою собственную историю.

Эти воспоминания о побеге из приюта дают возможность понять себя. Понимание окружающего мира и самого себя возникает через понимание «другого», а именно через отношение «я - другой», через прошлый опыт и настоящее: «Это единственный в книге момент, когда я, сам того не зная, приблизился к Доре во времени и пространстве». В этот самый момент он приютил девочку у себя в душе.

Побег из приюта грозил Доре, не носившей звезды, гибелью, «à seize ans elle avait les monde entier contre elle, sans qu'elle sache pourquoi». Побег героя выпал на мирное время, и, тем не менее, был тоже мучительным разрывом со средой и со временем. Побег - это поиск себя, не смотря на все его опасности.

Автор находит неслучайным, то, что «великий провидец Гюго» тоже описал в книге «Отверженные» сад пансиона «Святое сердце Марии», где прятались Жан Вальжан и Козетта, спасаясь от Жавера с полицейскими. Дора и автор в возрасте 15 лет, такие же отверженные, как и герои Гюго.

Повествователь проводит параллель между своим отцом и Дорой, схожестью их положения в дни оккупации, несмотря на различие их возраста и их судеб. Описывая облаву, в которую попал отец и, предположительно Дора, автор переплетает их судьбы.

« Si différents qu'ils aient été, l'un et l'autre, on les avait classés, cet hiver-la, dans la même catégorie de réprouvés ».

Спустя двадцать лет повествователь ищет в романе и свою биографию, он проходит маршрутами Доры, бродит по знакомым кварталам, где ещё до его рождения произошло нечто, определившее его дальнейшую жизнь. Так сближая расстояние, которое отделяет его от его героини и, узнавая её ближе, он приходит к выводу «мне кажется, будто я знал её».

Модиано - король деталей и вещей. Он наделяет обычные вещи притягательной силой, они помогают воссоздать в романе подлинность обстановки. Он использует фотографии, вырезки из газет, официальные бумаги, протоколы полиции, подлинные названия улиц, где жили герои. Особая роль принадлежит фотографиям, единственным свидетельствам мирной жизни героев. Фотографии будоражат ум, память и воскрешают людей, уже покинувших этот мир.

Автор прослеживает родословную Доры и очень подробно описывает историю её семьи. Её родители, переселенцы из Австрии и Венгрии, мать происходит из России. Писатель изображает их трудную жизнь во Франции до войны и ещё два военных года хаоса и смятения, когда они бились за своё спасение и за спасение дочери. Почти одновременно вся семья погибает в Освенциме.

Идя по следам Доры, её родителей и многих других безвинно погибших, автор выводит их «зоны пустоты и забвения», напоминает о преступлениях оккупационного времени, о тюрьмах Турель и Питивье, о лагере Дранси и об Освенциме. Модиано воскрешает девочку и тех, кто был рядом с ней из бывестности, мрака и небытия спустя 55 лет после их гибели, так как умершим дано жить только в памяти тех, кто остаётся на земле.

«Вот здесь когда-то стоял дом, а теперь его больше нет... А в этом доме жили люди, о которых я слышал, их тоже давно уже нет... И я тут жил или бывал когда-то. Я не знал этих людей, но я должен рассказать о них. Иначе кто о них напомнит? И зачем тогда я живу?».

Сам он так объясняет цель своего расследования и более того смысл своей жизни: «En écrivant ce livre, je lance des appels, comme des signaux de phare dont je doute malheureusement qu'ils puissent éclairer la nuit. Mais j'espère toujours».

Нельзя не заметить сходства между автором и повествователем, иногда кажется, что автор и повествователь одно и то лицо. Главный герой не имеет ни имени, ни фамилии, ничего неизвестно о его профессии и об источниках существования. Автор, как бы незаметно, наделяет его своими биографическими фактами: отдельные фразы, намёки. Он появляется и как автор в главах при описании историй жизни других погибших в лагерях людей. Как и все произведения Модиано, книга написана от первого лица, так тема «автора» проходит через всю книгу. Модиано так комментирует эту тенденцию: «Это я, и это не я. Это «я» другого человека, который говорит со мной, и которого я слушаю; оно помогает мне сохранять дистанцию по отношению к собственной биографии, хотя я иногда и подключаюсь к ней».

Память возвращает человеку "утраченное время", Модиано можно назвать хранителем памяти о тех, кто жил до него. В своём романе «Дора Брудер» он пробивается сквозь толщу забвения сегодняшнего дня, прошлое Доры и память об отце помогают обрести себя.

Модиано протестует против замалчивания прошлого, он против «убийц памяти» и против «часовых забвения».

В этой книге он признается, что пишет, исполняя долг перед прошлым, перед теми, кого «не стало в год, когда я родился», перед теми, кого, «не напиши я эти строки, зачислили бы - живыми или мертвыми - в категорию неустановленных лиц», так же «перед теми, кто до моего рождения принял все мыслимые муки ради того, чтобы мне довелось испытать лишь мелкие горести».

Роман о Доре Брудер – разговор с ушедшими, возвращение к памяти тех, кто жил когда-то, потому что они оставили свой отпечаток в душе писателя. Писатель мог бы сказать о своей книге, как и Жорж Перек: «Я пишу – и всё: пишу, потому что мы жили вместе, потому что я был одним из них, тень среди теней... я пишу, потому что они оставили на мне неуничтожимый отпечаток, и след этого – письмо: память о них с письмом умирает, письмо – это память их смерти и утверждение моей жизни».

Прошлое не исчезает и не может исчезнуть, оно рядом с нами. И только через прошлое можно прийти к познанию себя, потому что прошлое – это наше будущее.

Как герой, так и автор не закончил свои поиски: « Depuis, le Paris où j'ai tenté de retrouver sa trace est demeuré aussi désert et silencieux que ce jour-là. Je marche à travers les rues vides. Pour moi elle le restent, même le soir, à l'heure des embouteillages, quand les gens se pressent vers les bouches de métro. Je ne peux pas m'empêcher de penser à elle et de sentir un écho de sa présence dans certains quartiers».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов – М. Интранда, 2001. - С. 187.
2. Modiano P. Dora Bruder, - Paris, Editions Gallimard, 1999. - P. 63.
3. Barrot, Olivier. Pages pour Modiano. - Monaco, Editions du Rocher, 1999. - P 26.
4. Liban, Laurence. L'entretien avec Laurence Liban // Magazine Lire № 319, octobre 2003. - P. 104.
5. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского М.- Москва 1979. - С. 12
6. Кузнецова И. Предисловие переводчика // Иностранный литература, 2003, №7. С. 277.
7. Perec, Georges . W ou le souvenir d ' enfance - Paris , Denoel , 1975. - P. 59.